

Сергей Мохов

«Память не в камне живет»: пространство Рогожского кладбища в рассказах его посетителей

Еще я узнал, что я тафил, «любитель кладбищ» — оказывается, существует на свете такое экзотическое хобби (а у некоторых и мания). Но тафилем меня можно назвать лишь условно — я не коллекционировал кладбища и могилы, меня занимала Тайна Прошедшего Времени: куда оно девается и что происходит с людьми, его населявшими?..

Борис Акунин «Кладбищенские истории»

Кладбище является одним из структурных элементов городского культурного ландшафта. Оно свободно для доступа и ориентировано на посетителя: на территории некрополя можно обнаружить тысячи информационных табличек, которые содержат имена, фотографии, даты, эпитафии и иногда причины смерти [Громов 2010]. Некоторые надгробия являются не только архитектурными памятниками федерального значения, но и местами религиозного паломничества и даже проведения политических акций.

Можно утверждать, что кладбище — это не только приватное пространство скорби, но и публичное место, способное выполнять разные функции. Благодаря возникающей вариативности оно привлекает к себе внимание самых разных людей — от писателей

Сергей Викторович Мохов
Московская высшая
школа социальных
и экономических наук
svmohov.hse@gmail.com

и художников до представителей криминалитета и «городских романтиков». Так, для родственников захороненных здесь людей это прежде всего место памяти; для просящих милостыню и торговцев цветами — источник заработка [Rugg 2000].

Для объяснения функционирования кладбища как места социальной жизни необходимо понять, как происходит освоение этого пространства людьми, преследующими разные цели посещения; какими смыслами они его наполняют.

Под пространством кладбища понимается прежде всего специализированное огороженное место, предназначенное для произведения захоронений. «Нас интересует не просто физическое (объективное) пространство, а конструируемая человеком пространственная среда — своего рода физическое и ментальное выражение организации пространства человеком. Мы рассматриваем не просто природный ландшафт <...>, а обращаемся к осмыслению, конструированию и использованию пространства на разных его уровнях от глобального до частного, индивидуального» [Тишков 2003: 289–290]. Эта теоретическая рамка отражает суть антропологического подхода к пространству: пространство сквозь призму человека. Такой взгляд предполагает совокупное изучение трех элементов: физической реальности, представления о ней и связанной с ней практики; физическое (объективное) пространство дополняется пространством понимаемым и проживаемым. Именно этот подход взят за основу в данном исследовании.

Исследование было выполнено с помощью метода неформализованного интервью, которое позволяет зафиксировать в рассказе информанта речевые конструкции, их последовательность, структуру и стратегии презентации информации. Информантам предлагалось показать интервьюеру кладбище и рассказать о целях своего визита. Они делились опытом посещения кладбища и возникающими в ходе этого опыта представлениями о пространстве некрополя, его изменениях. При этом корректно было бы отметить, что сам процесс сбора данных в ходе прогулки по кладбищу (“go along” [Ingold, Lee 2008]) позволил стимулировать память, направить ее на воспроизведение информации [Сафронов 2011]. Говорить о рассказе как определенном «опыте» позволяет и методологическое допущение следующего рода: информантами выступили люди, которые уже не раз бывали на этом кладбище, какие-то моменты их жизни связаны с данным некрополем.

Местом исследования в случайном порядке было выбрано Рогожское кладбище Москвы. В течение двух месяцев происходило наблюдение за этим объектом для выделения основных групп посетителей, осуществлялось вхождение в поле и уста-

новление доверительных отношений с некоторыми опрошенными.

Информантами стали несколько лиц: родственница захороненных здесь людей, любитель прогулок по кладбищу (историк-некрополист, как он сам представился), просящий милостыню у входа на кладбище, охранник. Выбор именно этих людей обусловлен эмпирически выделенными группами «потребителей» данного пространства в ходе наблюдения и посещения Рогожского кладбища в течение двух месяцев. За это время удалось «войти в поле» и наладить контакт с посетителями.

Так, с охранником сначала возник конфликт из-за запрета на проведение фотосъемки на территории кладбища и, по его словам, «вашего постоянного праздного шатания». Во время третьей встречи удалось убедить его в том, что я не являюсь вандалом и не собираю компромат (не являюсь ревизором от ГУП «Ритуал»). При этом само интервью, которое легло в основу данного исследования, было проведено уже в свободное от его работы время.

Алогичная ситуация сложилась и с просящим у ворот милостыню, Геннадием. Его доверие также удалось завоевать не с первого раза, и лишь небольшие подарки позволили общаться с ним и задать ему интересные вопросы.

«Некрополист-любитель» был найден случайно, во время одного из посещений кладбища и изучения его пространства. Он, заметив, что я фотографирую памятники и явно пришел на кладбище не с целью помянуть родственников, сразу поинтересовался, что я здесь делаю. Завязалась беседа, в ходе которой удалось провести интервью.

Необходимо также отметить, что изначально формат прогулки “go along” не предусматривался целями исследования, однако информанты сами настаивали на этом, аргументируя свои пожелания следующим образом: «Так легче будет понять, что я говорю». Такой формат выбрали все четверо информантов, однако маршруты, время прогулки и, главное, степень «углубления» на территорию кладбища у всех оказались разными.

Пространственная характеристика Рогожского кладбища как поля исследования

Рогожское кладбище находится в исторической черте города, в восточной части Москвы. Подъезд к нему затруднен удаленностью от метро. Рогожское кладбище является не только одним из самых больших мест исторического захоронения старообрядцев, но и духовным центром старообрядцев Бело-

криницкого согласия. Рядом с кладбищем располагается целый комплекс построек Русской православной старообрядческой церкви. Однако свой старообрядческий колорит кладбище утратило уже после 1917 г., когда на его территории стали хоронить людей без учета их конфессиональной принадлежности. Здесь покоятся жертвы репрессий, обычные граждане, проживавшие недалеко от кладбища, есть два братских захоронения воинов Великой Отечественной войны.

Рогожское кладбище имеет территорию в 12 гектар, что в сравнении с другими московскими кладбищами характеризует его как среднее по размерам. Доступ на кладбище осуществляется через один центральный вход, вокруг которого находится комплекс хозяйственных построек.

В отличие от «проходных» кладбищ, имеющих два противоположных входа и выхода, через центральные аллеи которых каждый день проходит большое количество людей, пытаясь сократить время дороги до дома (пример — Введенское кладбище Москвы), Рогожский некрополь является «закрытым» пространством. Кладбище огорожено кирпичной стеной и забором. Это фактически исключает нахождение на нем случайных людей.

При входе на Рогожское кладбище посетитель сразу оказывается перед выбором из нескольких путей: по центральной аллее, по левой части — вдоль колумбария, по правой стороне к новым участкам.

Центральные аллеи ведут вглубь кладбища к братским захоронениям воинов Великой Отечественной войны. Эти могилы находятся в самом конце кладбища, занимая фактически всю заднюю часть некрополя. Братские захоронения были отреставрированы в начале 2000-х гг. усилиями ГУП «Ритуал». В центральной части кладбища также находится семейная усыпальница Морозовых, захоронения духовных лиц старообрядчества, могилы купцов.

Рогожский некрополь условно делится на центральную зону, где находятся исторические захоронения, советскую часть (захоронения датируются 1950—1980 гг.) и новую часть, захоронения на которой велись уже в 1990-е гг. и продолжаются до сих пор.

Визуально кладбище имеет также специфику, связанную с большим количеством захоронений старообрядцев. Могилы приверженцев старой веры, как правило, украшают деревянные кресты — белые, массивные.

Рогожское кладбище открыто для посещения каждый день: с мая по сентябрь с 9:00 до 19:00, с октября по апрель с 9:00 до 17:00.

«Я всегда смотрю, кто лежит»: Галина

«Все приходят сюда по разным причинам, но, по сути, за одним — душу успокоить и подумать немного», — с такой фразы началось интервью с женщиной, которая представилась Галиной. Она является посетительницей Рогожского кладбища с 1982 г. и посещает его 7–10 раз в год. Она рассказала историю своего более чем 30-летнего опыта посещения Рогожского некрополя — как менялось кладбище, кто его посещал, показала свои «любимые места» и по своему же настоянию провела небольшую экскурсию: «Я вам покажу, кто и где тут лежит».

Галина сама пошла на контакт с нами. Заметив внимание к себе со стороны (мы фотографировали и наблюдали) она спросила: «Что вы тут ошиваетесь-то? Ищете, что ль, что-то?» Галине было предложено поучаствовать в социологическом исследовании, цель которого — изучение устройства кладбища, и она с радостью отозвалась.

Ее повествование начинается с рассказа о похоронах своих близких и демонстрации могил родных. Это первое место, которое показала Галина на Рогожском кладбище. Сначала она сомневалась — то ли это, что нам нужно, но, преодолев смущение, повела нас к месту захоронения родственников, которое находится недалеко от центрального входа. По мере продвижения к первой точке ее рассказа Галина рассказывала о себе и роли Рогожского кладбища в своей жизни:

Да что я могу рассказать... <...> Могу своих вот показать... я вот хожу сюда с 1982 года, как брата похоронила здесь — Сашку. Потом муж был, мать была, отец. В общем, много кто тут у меня лежит. Много кого и видела тут, за 30 лет-то всяких покойников посмотрела и всяких, кто ходит сюда... Раньше ведь знаешь как — мало тут людей было, кладбище не такое популярное было. В 90-е народ снова хлынул... Да, а я вот как-то все хожу своих хоронить и помянуть... Слава Богу, дети еще живы.

Именно могилы родственников являются основными точками в ее представлении о Рогожском кладбище. Это место упокоения близких людей. Здесь происходит «воссоздание» семейной истории, осуществляется связь поколений. Сюда Галина приходит с внуками и детьми помянуть близких.

Рядом с могилами родных Галина вспоминает о «соседях», упоминая, что фактор совместного проживания «продолжается и на кладбище». По воспоминаниям Галины, причиной этому служит сложившаяся в Советском Союзе система распределения мест на кладбище, когда на жилой дом / район выделялись места, которые затем и передавались жильцам для захоронения родственников. Часто соседи по лестничной

клетке или коммуналке становились «соседями» и на кладбище. В случае Галины именно так и получилось: рядом с могилой ее родственников лежат соседи — Васильевы, с которыми она делила квартиру.

Галина старается следить за могилами тех, кто является «соседями по кладбищу», соблюдая порядок и чистоту вокруг собственного захоронения и ощущая потребность в уходе и помощи тем, кого знала при жизни. Она приносит цветы, убирает и моет памятники соседей, когда облагораживает могилы родственников: «По весне там, ближе к Пасхе».

«Соседское» пространство потенциально оспаривается, нарушается извне. За него приходится «воевать», отстаивать его. Вокруг захоронений идет борьба: места продают, «крадут». В таком контексте постоянный уход за могилой приобретает особое значение и ценность не только за счет «человечности», но и как вынужденная мера для восстановления справедливости:

А то я слышала, как один по весне пришел как-то — а его место все сравнено, место огорожено. Видно место продали, что ли... Или как там делается — другие теперь тут хорониться будут... Да, вот и не щелкай клювом, молодой! Помрешь, так еще не факт, что могила твоя будет... надо постоянно смотреть... Сейчас все же продается и покупается...

При этом оказывается, что Галина в курсе, как происходит эта процедура отъема участков. Данные предположения Галина выстраивает по слухам, собственным догадкам и наблюдениям. По ее мнению, кладбище — это серьезный ресурс, стоящий денег, за которым охотятся недобросовестные люди:

А ты что думаешь-то? Рогожское кладбище это в Москве, тут дорого хорониться. Да еще и если в хорошем месте. Тут если не ухаживается, заброшенная могила, с документами там не в порядке, сразу раз — освободи место новым покойникам.

Что такое «хорошие» и «плохие» места, Галина уточняет, рассказывая о важности расположения захоронения, его доступности, «престижности». Плохими местами становятся те участки, к которым затруднен проход из-за большого количества оград, деревьев, элементарного отсутствия дорожек. Зимой такие участки больше других засыпает снегом. Хорошие же места — те, что ближе к центру, всегда на виду. Вокруг них чисто и убрано, рядом находятся «хорошие соседи».

Ознакомив нас с захоронениями своих родственников и соседей, Галина перешла к рассказу о своем опыте освоения этого пространства, отмечая, что оно происходило не сразу. Первое время кладбище оставалось лишь местом захоронений род-

ственников, соседей. Спустя время (точное время назвать и оценить она не может), Галина начала воспринимать это пространство как «свое», а себя как ответственную за него. Она стала чувствовать себя проводником для новичков, рассказывающая и показывая им, как устроено кладбище. Галина дает им советы: где можно найти необходимый инвентарь для ухода за захоронениями, как выйти с кладбища, как пройти к колумбарии или аллее памяти.

География кладбища для Галины сейчас существенно расширилась, но все же не уходит дальше официальных маршрутов, а точнее дорожек. Галина рассказывает, что после посещения захоронений родных любит прогуляться по кладбищу и посмотреть на новые захоронения, оценить степень изменения старых могил.

Маршруты прогулок строятся по заасфальтированным аллеям и проходам. Захоронения в глубине Галину не интересуют, это «плохие места» — к ним сложно дойти. При этом в ее оценках эти места не сильно отличаются от тех, что находятся с самого края.

Однако не все могилы однотипны. Галина проявляет интерес к определенным захоронениям, говоря о сочувствии и сопереживании. Надгробие для нее — как история жизни того, кто здесь лежит. Галина легко считывает информацию о покойнике по фамилии, имени, отчеству, дате смерти, внешнему виду надгробия:

Я всегда смотрю, кто лежит. Первое, на что обращаешь внимание, — фотография и дата смерти. Иногда взглянешь и думаешь — что ж такой молодой умер-то. Не пожил совсем. Мало чего видел. О брате своем сразу вспоминаю. Он ведь тоже у меня такой погиб молодой. Утонул. Я вот и думаю — а этот-то, чего помер? Может, тоже утонул.

Тематика смерти, а точнее ее причин, превращается в своего рода педагогический опыт, который можно использовать в обучении своих детей — как можно и как нельзя поступать. Мертвые учат живых, их опыт становится сакральным и важным. При этом причины смерти можно и сфальсифицировать, когда рассказываешь своим внукам об умерших. Это делается для того, чтобы наглядно показать им причинно-следственную связь между «плохим» и «неправильным» поведением и смертью:

Вот утонул он, и я думаю — купаться пьяным плохо. Своим внукам об этом и говорю постоянно, когда идем по кладбищу. Вон тот пил и умер молодым — посмотри. А вот этот тоже пьяный сел за руль и разбился... Я, конечно, не знаю, умер он от этого или нет, но внукам можно и так сказать. Они смотрят и сразу видят итог.

Для Галины пространство Рогожского кладбища, помимо «плохих» и «хороших» мест, имеет и зонирование «следующего уровня». Отойдя от могил родственников и пройдя мимо других «любимых» могил (погибших молодых, например), Галина выводит меня к центру кладбища. Здесь она начинает рассказывать об известной ей истории данного некрополя, упоминая старообрядческие захоронения, семейный склеп Морозовых, захоронения «дворян». Так, могилы старообрядцев она выделяет с помощью массивных деревянных крестов, которых нигде больше не встречала. Таким образом, Рогожское кладбище имеет два параллельных образа для репрезентации — «любимые и нужные» места и «официальные места» — центральные аллеи, старые склепы.

При этом понятие «центра кладбища» у Галины постоянно смещается. Она говорит о центре как середине главной аллеи; центре как месте «недалеко от моей могилы»; центре как месте у главного входа кладбища. В зависимости от контекста разговора и заданной темы такая «центральность» изменяется, Галина все время ведет нас в центр или «чуть поглубже».

Экскурсию по Рогожскому кладбищу и свой рассказ Галина заканчивает рассуждениями о том, что позволительно на кладбище, а что нет. Речь заходит о внешнем виде памятников — многие захоронения вызывают у нее раздражение:

Я ведь иногда смотрю на эти могилы, памятники их, и думаю, чего они понастроили такое вот это все? Кому это нужно. Красиво, что ль? Духовность должна быть какая-то, скромность. Память она ведь о человеке не в камне живет, а в людях. А тут как будто боятся чего-то. Честно тебе скажу, мне даже неприятно как-то, когда вот такие памятники вижу. Хотя привыкла уже, что на входе такие стоят — типа как украшение, что ль.

Таким образом, за более чем тридцатилетний период Рогожское кладбище трансформировалось для Галины из частного места семейной скорби в публичное пространство, наполненное особыми смыслами. Кладбище эмоционально окрасилось, появились «хорошие» и «плохие места», вокруг которых идет борьба. Это требует от Галины осторожности, внимания и участия в жизни захоронений своих родственников и даже «соседей». У Галины появились любимые могилы, которые выполняют педагогическую функцию в процессе воспитания внуков и демонстрируют, «как надо и как не надо». Рогожское кладбище стало для нее особым местом, и опыт его освоения позволяет ей чувствовать свою ответственность при показе новым посетителям его устройства.

«История одной могилы — история всей семьи»: Семен

Следующим нашим информантом стал аспирант одного из московских вузов, историк, представившийся Семеном. Московские кладбища он посещает более пяти лет, на многих из них бывал по несколько раз. На такие прогулки он ходит с друзьями и иногда один. Семен проводит экскурсии для своих знакомых, рассказывая историю интересных захоронений. Себя он определяет как «любитель-некрополист, городской романтик». О целях своего визита он рассуждает в контексте изучения кладбища как одного из городских мест, в котором можно узнать интересные исторические факты. По мнению Семена, таких, как он, много: кто-то случайно заходит на кладбище, прогуляться летним днем, кто-то, напротив, с определенной периодичностью посещает городские некрополи.

Рогожское кладбище для Семена занимает особое место среди других московских некрополей. Оно удалено от метро, и значит, доступ к нему затруднен. Вследствие этого здесь всегда спокойно и немногочисленно. «Неизвестность» выступает определенным фактором «ценности» кладбища. Чем менее оно освоено, тем большую ценность представляет, больше загадок в себе таит. Такими образом, кладбище становится для Семена местом освоения, исследования.

Каждый некрополь — это уникальное место, нет похожих друг на друга, у каждого своя история. Так, особый колорит Рогожскому кладбищу придает его старообрядческое происхождение и наличие большого количества мистически историй:

Ну, это кладбище вообще крутое. Оно компактное, в сравнении с другими. Доехать сложно сюда — людей мало. Старообрядцев много лежит. Савва Морозов тут... Говорят, клады тут зарыты купцами. Истории всякие ходят. Я сам не искал, конечно. Но мистификацию определенную это создает.

Однако кладбище привлекает Семена не только историей и мистификациями. Он ведет свою «мини-экскурсию» вдоль центральных аллей, в глубину кладбища, показывая уже знакомые ему могилы молодых, девушек и парней. Отсутствие указания на причину смерти в традиции надгробных памятников является для него разочарованием. Здесь его рассказ перекликается с повествованием Галины, когда она показывала могилы людей, умерших не своей («плохой») смертью и теперь помогающих живым своим опытом — в качестве назидания:

Реально жаль, что не указывается причина смерти на могиле, на памятнике то есть. Тогда бы я запомнил больше разных мест таких. Напишут иногда «трагически погиб» — ну и гадай, как и что? Памятник, он же не только для «своих» поставлен, но

и кто мимо идет. Если звезда есть, самолет нарисован, то тогда понятно — на войне или испытаниях. А так причины смерти были бы полезны.

Свой интерес Семен объясняет простым любопытством, при этом заметно его смущение. Чуть позже он добавляет, что причины смерти ему интересны лишь на могилах молодых: «В этом тоже есть логика — сам боюсь смерти потому что, наверное». Семен также отмечает теряющуюся традицию эпитафий. По его мнению, современные эпитафии пишутся «под копирку» и лишены индивидуальности.

Рогожское кладбище, как и многие другие, имеет специфику зонирования. Семен начинает рассказывать об истории изменения кладбищ, смешивая собственные впечатления и известные ему исторические факты:

Ну, кладбища, они ведь как. Практически все новые ведь. В плане появились, по сути, недавно. Вот Рогожское кладбище открывалось в 1770-х годах. А могилы самые старые, и то их единицы — середины, может, второй половины XIX века. А большинство же, подавляющее большинство, это захоронения советского времени. То есть начиная от 50-х даже годов. Они все очень типичные. Звезды такие, гранитная крошка, форма вся однообразная. Серые такие, фотографии на них в круглых, овальных формах.

Семен считает, что символический облик кладбищ менялся существенно три раза: в революцию, после Великой Отечественной войны и в 1990-е гг. И каждому из этих периодов присущи свои стилистические особенности. Так, после революции произошел отход от строгих религиозных правил оформления захоронений в сторону гражданской обрядности, стала популярной кремация. Во время войны фактически все деревянные элементы кладбищ были уничтожены для обогрева домов — кладбища были воссозданы заново. Стали появляться каменные элементы в оформлении. Уже в 1960-е гг. тема Великой Отечественной войны становится и вовсе структурообразующим фактором на некрополях. В 1990-е происходит возврат к религиозной тематике, вариативность приобретает характер стихийности и хаоса — надгробия становятся элементом демонстрации социального статуса человека.

Рассуждения вокруг Великой Отечественной войны становятся центральными в рассказе Семена, он отмечает существование таких памятных мест на каждом кладбище. Семен говорит о необходимости и полезности «военных пантеонов». С его точки зрения, памятники подобного рода всегда установлены в начале кладбища или отмечены на карте перед входом, на них есть цветы, горит вечный огонь. Большую роль в популяризации сыгра-

ло ГУП «Ритуал», которое восстанавливает эти памятники, занимается облагораживанием территории вокруг них:

Участки героев войны есть почти на всех кладбищах. Обычно в центре, при входе иногда стоят пантеоны павшим. Безымянные могилы, братские захоронения со списками жертв. Вечный огонь горит. Центральное место обычно. Коллективное. Здесь тоже такое есть — в глубине кладбища, у стены там. Недавно вроде сделали, поставили стелу, газон устроили.

Дойдя до аллеи славы, места братского захоронения воинов Великой Отечественной, Семен переходит к сравнению могил погибших на афганской войне, чеченской и героев Второй мировой. Респондент подмечает несколько значимых, с его точки зрения, стилистических и даже этических моментов. По его мнению, погибшие в чеченскую и афганскую войну «незаслуженно забыты»:

Афганцы и чеченцы выделяются, конечно. Афганцы идут без упоминаний каких-то вроде места гибели и причин прямо в начале, года до 85, наверное. Нельзя было говорить о войне. Просто хоронили и фотография в форме. Потом уже стали писать «Погиб при исполнении интернационального долга». Чеченцы тоже лежат. Года смотришь — мальчишка молодой лежит. Лейтенант, сержант. Жалко их всех. Безымянные герои, в сравнении даже с солдатами Великой Отечественной.

Продолжая рассуждать о стилистической смене в оформлении надгробий, Семен делает вывод о существенной разнице между московскими и подмосковными кладбищами. По его мнению, современные надгробия так же однообразны, как и при Советском Союзе. И если раньше причина такого однообразия была в отсутствии материальных средств, то теперь причины видятся в социальной анонии и фрустрации. Быстро растущее социальное неравенство, распространение суеверий и лжерелигиозных учений, поиски своих корней делают современное московское кладбище «пошлым и безвкусным».

Семену кажется, что история каждой семьи может и должна легко читаться по надгробию, и поэтому надгробия могли бы быть «и более оригинальными». На каждом памятнике зашифровано послание, история семьи, которая легко читается:

История одной могилы — это история всей семьи, горя этого рода. Смотришь иногда и как читаешь по датам смерти и именам — сначала похоронила детей. Потом мужа и потом сама умерла. Думаешь — кто теперь ходит сюда. Вот как жизнь сложилась-то у человека.

Таким образом, любое кладбище для таких городских исследователей, как Семен, — это пространство социальное, отображающее проблемы общества и историю страны. Это нечто живое и постоянное меняющееся. Однако рассказ Семена скорее посвящен нормативному сравнению идеальной модели кладбища и того, что он может наблюдать сейчас. Он постоянно высказывает свои разочарования и пожелания по поводу того, что нужно изменить, добавить.

«Вот ходят тут всякие сатанисты и гадят»: Геннадий

Следующим нашим информантом стал постоянный посетитель Рогожского кладбища и, по его же словам, многих таких же кладбищ — Геннадий, просящий милостыню у входа. Он более десяти лет занимается сбором подаваний у входа на разных кладбищах, в том числе и у Рогожского. Сначала Геннадий неохотно вступал в контакт, что усложняло вход в исследовательское поле. Он заявлял, что ему нечем поделиться с нами и информацией о кладбище он никакой не обладает. По мере роста доверия и оказания небольшой материальной помощи Геннадий рассказал о своем опыте жизни на Рогожском кладбище.

Оно ценится Геннадием меньше других за счет маленькой проходимости, а значит и меньшего дохода. Бывает здесь Геннадий «по старой памяти», во время праздников или когда предвидится какое-то событие у старообрядцев и есть возможность заработать. Однако в труднодоступности кладбища Геннадий видит и свои плюсы, главный из которых — это пониженное внимание милиции и низкая конкуренция:

Ну, Рогожка далеко, конечно, от метро, и народу сюда ходит поменьше. Зимой тут делать вообще нечего. А вот летом получше, конечно. На Пасху хорошо приезжать сюда, люди идут, конкуренции меньше, чем в других местах. А вообще везде свои уже сложились... коллективы... Я вот тут прижился, и милиция не трогает.

Свою экскурсию по кладбищу Геннадий начал с рассказа о комплексе построек, принадлежащих старообрядцам. Границы кладбища для него оказались смещены непосредственно с самого некрополя в сторону Рогожской общины и храмового комплекса. Причем в своем повествовании Геннадий упоминал как старообрядцев, так и принадлежащих РПЦ. Такой «приоритет» в рассказе объясняется получаемой выгодой от взаимоотношений с церковью — питанием и подаваниями. Кладбище и весь комплекс вокруг него — это для него прежде всего место получения прибыли:

Ну, в Рогожке большой плюс — старообрядцы рядом. От них помощь иногда есть — кормят. У них там постоянно кто-то есть, что-то делается. Работу иногда могут какую непыльную дать. Хотя они, конечно, замкнутые какие-то. К ним приезжает кто-то вечно — денег дают нормально, если просишь, стоишь. На самом-то кладбище я редко бываю.

Однако Рогожское кладбище не рассматривается Геннадием исключительно в контексте кратковременного получения прибыли: здесь еще проходит и «жизнь героя» — появляются друзья, связи. Он рассказывает о своих взаимоотношениях с другими участниками бизнеса на кладбище — с продавцами цветов, охранниками, такими же просящими милостыню, при этом не очень вдаваясь в детали, полагая, что это может навредить «этому хрупкому миру» и создать некоторые проблемы.

Геннадию не нравится присутствие посторонних людей и любого повышенного интереса со стороны. Именно по этой причине, по словам самого Геннадия, интервью сначала и не получалось. При этом он оценивает свое присутствие на кладбище как вполне естественное и оправданное. «Кладбище — это храм, память, скорбь и добрые дела», и помощь обездоленным входит в этот ментальный перечень признаков любого некрополя.

Для Геннадия кладбище — это еще и «место памяти», которое имеет право на сакрализацию и должно оставаться «приватным пространством скорби». Доступ к нему должен быть открыт не всем. Любые гости нарушают целостность данного пространства и несут проблемы для тех, кто пришел помянуть, и для таких обитателей кладбища, как он сам:

Вот ходят тут всякие сатанисты и гадят. А потом милиция приезжает, всех шерстит. Типа мы пьяные тут поломали что-то. А это же не так! Кладбище не место таким людям.

Геннадий считает, что своим присутствием он выполняет важную функцию соблюдения порядка на кладбище. Каждый посетитель оказывается перед его глазами, и многолетний опыт позволяет определять цели визита и даже приблизительное место на кладбище, куда идет посетитель. Геннадий видел не один десяток похорон и поминок, и поэтому у него сложилась своя система знаков и символов, характерных для похорон того или иного человека:

Да что я могу еще интересного рассказать про Рогожку? Я же тут больше... чаще точнее вижу, кого хоронят. Привозят кого сюда, бывает, хоронить — я сразу определяю, кого привезли. Потом хожу смотреть могилу или колумбарий, где там урна стоит — не ошибся ли я? Пока ни разу не ошибался. Знаешь как —

старушку или деда какого привезли, обычно мало народу, родственники только. Гроб, все такое — не очень дорогое, бывает и вообще самое дешевое. Хоронят быстро. А когда молодой, и народу много приходит, друзья там. Плачут все. Стариков не так жалко-то.

Свои заключения о «достойных» и «недостойных» похоронах Геннадий дополняет погодными факторами, рассказывая о сложности похорон зимой и их скоротечности:

Зимой умирать плохо. Земля промерзшая — копать сложно. Хотя когда как. Да и людям тяжело стоять на морозе — быстро закончили. Хоп, хоп — и на поминки. Потом снегом занесло могилку. Только венки видать. Тут редко уже хоронят так.

Таким образом, Рогожское кладбище в представлении Геннадия — это пространство его социальной жизни. Оно приспособлено для получения заработка, выстраивания социальных связей. Геннадий быстро реагирует на меняющиеся правила игры и перестраивает пространство под себя:

Ну, кладбище — это святое место же — покойники лежат... Все там будем. Но я редко сюда хожу. Помню в 90-е года, когда совсем плохо было — ходили, конечно, по кладбищу, еду там какую-то брали, закуску, простите. Но это по праздникам было... А сейчас уже нет. Потребности такой нет. Туалет здесь прямо на входе тоже.

Сейчас, во время «стабильности», он не испытывает потребности посещать территорию некрополя. Его жизнь протекает рядом — у ворот, в общине. При этом в процессе освоения пространства он начинает ощущать значимость своей роли в жизни кладбища как охранителя. Его экскурсия ограничилась демонстрацией центральной аллеи, основных хозяйственных построек, знакомством нас с обитателями (его друзьями и «коллегами»), а также демонстрацией некоторых могил, похороны на которых он видел и поэтому описывает, кто и как хоронил и как часто теперь сюда ходит.

«Все ходишь тут со своим фотоаппаратом — а фотографировать тут нельзя»: Алексей

Вслед за «городским исследователем» и «обычной посетительницей» установить контакт с теми, у кого заработок связан с Рогожским кладбищем, оказалось гораздо сложнее. После сложного вхождения в контакт с Геннадием, охранник кладбища также первоначально отказывался отвечать даже на самые простые вопросы. Свое нежелание делиться информацией он мотивировал возможными санкциями со стороны руководства

кладбища и потенциальными проблемами. Лишь спустя месяц постоянных визитов на кладбище удалось наладить с ним контакт и провести первое интервью. Однако он попросил не указывать его имени и изменить некоторые личные данные:

Я уже давно тут работаю. И все по сменам. 15 дней тут — 15 дней домой еду. В Воронежскую область. Удобно, конечно, когда работы-то вообще нет. А так эти две недели тут и живешь почти — все есть... Охранять кладбище удобно — бывают свои проблемы, но ничего сверхординарного.

Алексей является ветераном войны в Афганистане, приехал работать охранником на кладбище более четырех лет назад. На условия не жалуется и не видит разницы в том, какой объект охранять. Кладбище же считает даже более приемлемым, чем многие другие места, за счет отсутствия правонарушений и «спокойной обстановки».

Основные проблемы доставляют разные «городские сумасшедшие», фотографы и прочие искатели приключений на кладбище. Они вторгаются в пространство некрополя и нарушают его функционирование. По мнению Алексея, кладбище — это пространство памяти и скорби, и в этом он солидарен с просящим милостыню Геннадием. А раз это «место памяти», то оно должно быть только для родственников тех, кто здесь захоронен: «Кладбище не ярмарка, тут порядок должен быть». Для них осуществляется определенная «экспроприация пространства», его строгая функционализация. Любые попытки вторгнуться в это пространство влекут за собой сложно отслеживаемые изменения и могут создавать вполне бытовые проблемы для участников кладбищенского сообщества:

Да тут за это время столько людей повидал. Чудики разные бывают, конечно. Вот ты, например, все ходишь тут со своим фотоаппаратом, а фотографировать тут нельзя! <...> Точнее можно, но ходят всякие, что потом в интернет выкладывают. А к нам родственники приходят и говорят, что могила их родственника в этом интернете лежит и все смотрят. Им неприятно.

В силу такого рода функционализации кладбища, подчинения его правилам и целям посещения оно теряет свою уникальность и становится одним из многих подобных публичных пространств. Описывая пространство кладбища, Алексей отмечает захоронения старообрядцев, купцов, особо выделяя семейный склеп Морозовых:

Кладбище как кладбище. Ничего особенного. Старообрядцев много. Они тут ходят к своим — духовенство же лежит тут... Купцов много же. Огромный крест видел на постаменте? Прямо вон

по центральной аллее. Это Татарников лежит. Был такой. Ну и главное — это, конечно, семейный склеп Морозовых. Последнего Морозова там хоронили в 1995 году.

Однако в ходе углубленного расспроса и по мере появления доверия Алексей стал делиться своими знаниями. В его рассказе появились «особые места», которые присущи только Рогожскому кладбищу и стали его достопримечательностями. При этом эти места все равно не утрачивают своей функциональности, выполняя важную роль для верующих как места религиозной коммеморации. Таким образом, кладбище опять становится закрытым «для посторонних»:

У нас и своя святая есть. Монахиня Севостьяна. Даже история с ней есть такая: она, мол, продолжила службу без батюшки, когда того прям арестовали во время литургии, и местами, где он должен был говорить, она густым басом проговаривала. Вот. Помогает тем, кто просит у нее помощи.

Алексей дополняет рассказ о Рогожском кладбище местными легендами и преданиями, при этом отмечая, что сам в это все не верит. Таким образом, пространство кладбища наполняется смыслами и приобретает определенный колорит:

Про Морозовых байка есть — не слышал? Мол, ходит в глубине кладбища призрак с пистолетом и мешочком денег. Так вот это убитый Савва Морозов. Многие же до сих пор не верят в то, что он сам себя убил.

Для Алексея «кладбищенские байки» — очередное развлечение в процессе несения службы. Он ощущает свою «охранительную» миссию по сбору и отсеиванию мистических историй. В рассказе всплывают истории про клады, копателей, загадочные убийства. Часть из них им же бракуется как не подтвержденная и имеющая мало общего с действительностью. По признаниям Алексея, эти истории он любит рассказывать своим знакомым, при этом выступая знатоком истории Рогожского кладбища.

Рогожское кладбище — это место работы. Оно имеет свои границы, которые совпадают с теми, что четко прописало и установило ГУП «Ритуал». В представлении Алексея само существование некрополя подчинено конкретным целям — захоронение, посещение, поминовение. И не должно никак выходить за эти рамки. Любые попытки изменения ведут к нарушению уже функций самого Алексея как охранника и хранителя этого пространства. Изучение и освоение данного пространства сопряжено еще и с развлекательным моментом. В период вечернего коротания времени Алексей собирает мистические истории о Рогожском кладбище и рассказывает их друзьям.

Помимо этого у него ощущается потребность полного владения информацией о кладбище, чтобы помочь тем, кто пришел первый раз, сориентироваться, найти нужную могилу.

Вместо заключения

Исследования кладбища как особого места городского пространства и социальной жизни города в современной российской социологии крайне малочисленны. За последнее десятилетие вышло не более десятка статей, авторы которых рассматривают не только похоронно-поминальную обрядность, но и социальные практики освоения этого «места памяти». Именно поэтому данное исследование во многом являлось «пилотным» и было призвано сфокусировать дальнейшее внимание исследователей на более узких проблемах.

В ходе исследования удалось выявить некоторые факторы маркирования и стратегии освоения пространства Рогожского кладбища четырьмя разными его «потребителями». Фактически речь идет о функционализации кладбища: каждый из информантов присваивает (осваивает) данное пространство, выбирая свою роль в «жизни кладбища», при этом считая себя в той или иной степени «хранителем» кладбища.

Так, Галина, посещающая могилы родственников на этом кладбище уже более 30 лет, ощущает себя «хранительницей» и «проводником» для новых посетителей и берет на себя обязанность показывать им его устройство. Она помогает найти место, где можно взять хозяйственные принадлежности для ухода за могилой, показывает, как «лучше пройти» до искомого захоронения. Галина добровольно взяла на себя функцию сохранения и ухода за соседскими могилами, что позволяет «оберегать» их от рейдерского захвата.

Для получающих доход с помощью кладбища (охранник Алексей и просящий милостыню Геннадий) само нахождение на территории кладбища имеет также функцию охраны этого пространства. Они не пускают на него посторонних и лишних людей, следят за порядком и поддерживают его функционирование.

Семен, «городской романтик», несет миссию сбора и сохранения информации о кладбище для дальнейшей трансляции всем интересующимся в сети Интернет.

И освоение этого пространства происходит по-разному. Для Галины и Семена кладбище располагается в его физических границах и начинается с центрального входа. Их маршруты схожи и проходят по заасфальтированным дорожкам, «хоро-

шим» — доступным местам, часто спонтанно меняются. Алексей и Геннадий редко ходят по кладбищу, и их маршруты выстраиваются заранее — для доступа к тому или иному месту.

Среди основных факторов маркирования этого пространства выступают «элитные / хорошие» и «неприглядные / плохие зоны». Такая градация строится исходя из доступности, ухоженности места. Чем ближе к центру, тем место лучше. При этом можно говорить об эмоциональном неприятии «богатых» захоронений и указании информантов на их «пошлость» и стилистическую однообразность.

Традиционные фольклорные опасения и страх перед «нечестивыми покойниками» находят почву и у наших информантов: они акцентируют внимание на могилах молодых, приписывая покойным «случайную и трагичную смерть». Такие памятники наделяются педагогической функцией в процессе воспитания детей: они показывают «как надо и как не надо делать, если не хочешь рано умереть».

На обнаруженных маркерах пространства кладбища хотелось бы в дальнейшем подробнее сфокусироваться и рассмотреть их более детально. В том числе уделить внимание восприятию пространства и его символизации через приписывание ему запахов, звуков, зрительных образов, рассмотреть связи между «потребителями данного пространства». Именно благодаря комплексному анализу удастся понять специфику функционирования кладбища как особого места городского культурного ландшафта.

Библиография

- Громов Д.В. «Вы меня не ждите...»: что фиксируется на современных могильных памятниках // Живая старина. 2010. № 1. С. 30–33.
- Сафронов Е. Кладбище в индивидуальном ракурсе (полевые заметки) // Антропологический форум. 2011. №15 Online. С. 388–396 <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015online/safronov_link.pdf>.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Rugg J. Defining the Place of Burial: What Makes a Cemetery a Cemetery? // Mortality. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 259–275.
- Ingold T., Lee J. (eds.). Ways of Walking: Ethnography and Practice on Foot. L.: Ashgate, 2008.